

предложения и не опровергает основную мысль автора статьи, писавшего: «Да ежели и оставалось премудрости Екатерины утвердить гражданское наше положение, то мы не можем не усмотреть из намерений сего государя <Петра I>, что одна тяжкая и долговременная война, его лишь в том попечения нас лишила» (VII, 175).

Наметив, таким образом, один из основных пунктов расхождения с Румянцевым, редакция «Собеседника» предоставила слово Екатерине. Этот «Ответ на письмо к сочинителю „Былей и небылиц“», помещенный следом за статьей Румянцева (VII, 177—181) — яркий образец нетерпимости и резкости, которую допускала самодержавная правительница в полемике со своими подданными.

«Государь мой! — писала Екатерина. — Нам, безграмотным, на всякие письма отвечать нетрудно; понеже на то не более надобно, как только чтоб чернила с пера текли. Головоломных мыслей у нас не спрашивается, как то вам, государю моему, и всем читателям „Былей и небылиц“ известно. Каково примете мой ответ, я не знаю; но то сущая истинна, что жалобы на сочинителя Записок касательно российской истории не у нас принимаются. Между нами сказагь, буде необходимо нужда ваша того требует, советую вам оныя вносить в совестной суд: тут разбирательно быть может, коей причины ради, как, что, когда, где, кем и кому из вас обида учинена» (VII, 178). Указав как писательница, что она не желает принимать никаких критических замечаний по поводу своих исторических трудов, Екатерина как правительница подчеркнула, что ничего в угодность Румянцеву не переменится: «крылошки скорее обליняют» (VII, 180).

Повторяя высказанное еще в полемике с Новиковым убеждение, что сатирик должен «веселиться, не изливая ни малейшей желчи ниже на пороки людские и не обижая никого изысканием недостатков в ближнем» (VII, 79), Екатерина приказывает Румянцеву «жить в свете как определено», что особо подчеркнуто новым курсивом (VII, 180).

Насмехаясь над молодостью автора, над его ученостью, императрица укоряет его в тщеславии, в желании прославиться. «Сей запах человечества, — пишет она, — меня не более удивляет, как и требования ваши внести в „Были и небылицы“ приложенное вами предисловие к Истории, хотя то многим несообразно казаться будет» (VII, 180).

Уязвленная намеком Румянцева, что «он не любит и самой премудрости, когда она за премудрость выдается» (Екатерину до приезда в Россию звали София — премудрость), императрица пишет: «Были и небылицы могут странны казаться; но из того не воспоследует еще, с позволения вашего сказать, вами усмотренные способности Пекаря оных. Вы сказываете, что не любите самую премудрость; для чего же ищите ее тут, где ее не бывало, и